

правда

* ТЕАТР

Исповеди Елены Псаревой

АКТЕРЫ И РОЛИ

БЫВАЕТ так — много лет работает актер в одном театре, и ролей у него немало, и зрители привыкли к нему, любят, и режиссеры ценят, но роли, которые приходится играть, — чаще второстепенные, вспомогательные, — не дают возможности для полного выражения своей актерской темы.

А между тем, у актера есть такая тема. Актер испытывает острую потребность через другую судьбу, другой характер рассказать о том, что волнует, жжет его самого...

Эта способность вложить в образ героя свою личную радость и боль свойственна заслуженной артистке РСФСР, актрисе драматического театра Елене Ивановне Псаревой. Условия игры в театре создает режиссер, но какими бы жесткими или, наоборот, располагающими к свободе, раскованности, эти условия ни были, всякий раз она удивляет таким глубоким внутренним перевоплощением, столь полным растворением в роли, что монологи ее героинь воспринимаются, как исповеди самой Псаревой.

ВОТ под звуки старого Неаполитанского вальса на высокой лестнице появляется тетя Павла Фарятьева. Вся в ритме музыки своей юности, она спускается вниз, на сцену: по-учительски опрятная, с патефоном в руках, отрешенная от сегодняшних ритмов.

В спектакле, поставленном Артуром Хайкиным по пьесе Аллы Соколовой «Фантазии Фарятьева», своеобразно решено сценическое пространство (художник Борис Бланк). Над одинаковой, безликой средой двух квартир, где мебель в стиле «ретро», случайно соседствует с современным торшером и грубым письменным столом, на заднике в коричневатопастельных тонах плывут в воздухе воспарившие над пляшущей перспективой домов люди...

Этот образ можно прочесть, как метафору полета, извечное желание человека подняться над обыденностью и прозой жизни. Режиссер акцентирует эти фигуры светом всякий раз, когда Павел Фарятьев (В. Гуркин, В. Лобанов) — зубной врач по специальности, мечтатель, Дон Кихот по сути и чудак в представлении многих благополучных людей — произносит свои сумбурные, но исполненные мечты о полете, монологи. И если есть человек, бесконечно верящий в Павла, то это его интеллигентная, наивная, старомодная тетя, его товарищ и единомышленник. Экспрессия в пластике, в поднятых вверх руках, девчоночьи — наивные нотки в голосе, легкий переход от смеха к слезам, — так Псарева создает столь узнаваемый образ пятидесятилетней мечтательницы, женщины «не от мира сего», не устающей разгадывать цветные сны и видящей в них продолжение своей дневной жизни.

В условиях жесткой «условной» режиссуры Псарева психологически достоверна, точна в нюансах, подробностях характера. Вот момент, когда она узнает о намерении Павла жениться. На смену мгновенно промелькнувшей по лицу мысли об одиночестве приходят восторженные слова о будущем счастье Павла, — и вот уже, словно попав под гипноз собственных слов, она искренне верит, что женитьба — самый счастливый вариант, и их с племянником жизнь сложится прекрасно.

Такой же деликатностью и мудрой способностью извлечь радость из любой жизненной ситуации изделена и другая героиня Псаревой — восьмидесятилетняя старуха Анна из спектакля по повести Распутина «Последний срок» в постановке Владимира Симоновского. Истоки этого характера — в работе предыдущего сезона, в «Беседах при ясной луне», поставленных Николаем Мокниным по рассказам Шукшина, где Псарева сыграла старуху Отавиху из новеллы «Бессовестные».

Как и Отавиха, Анна прожила трудную крестьянскую судьбу. Как и в Отавихе, в ней живут строгое, совестливое отношение к себе, душевная щедрость. Ей чужд всякий максимализм, сознание своего нравственного превосходства, на которое она, может быть, и имеет право. Старуха Анна не хочет, не умеет судить своих детей, растративших душу в житейских передрягах и отказавшихся от нее, умирающей. «Я на их не сердюсь, они потом сами с себя на десять рядов спросят, чо мне на их жалобиться? У их своя жизнь, а я свою прожила, не попеняю», — говорит она в своем монологе, и через эту музыку крестьянской речи мы постигаем стойкость и цельность Анны.

В «Последнем сроке» произошло редкое

соединение актерской идеи с идеей драматурга. Между тем Псарева внешне как будто не меняется: никакого особого грима, только старушечий платок да валенки, минимум пластики (у нее лишь статичные мизансцены). Слово — поэтичное, грубовато-простонародное, часто окрашенное юмором, становится основным средством актерской выразительности. Да еще — паузы. Они всегда содержательны, внутренне наполнены.

Пожалуй, эта роль не получилась бы такой яркой и убедительной, если бы Псарева избегала комических красок: в жесте, в остром говорке.

Виртуозное владение комической стихией продемонстрировала она и в спектакле «Мои Надежды» по пьесе Михаила Шатрова, поставленном Валерием Ивановым. Несмотря на годы, сохранила героиня Псаревой, тетя Надя, стремительность в движениях, звонкий голос, детски-восторженное отношение к жизни. «Я девочка фабричная...» — озорно запевает она, но вскоре песня приобретает ноты драматизма — ведь огневой девочкой фабричной она была давным-давно, а теперь вот одинока и живет со своей тоже одинокой подружкой Нюрой (Е. Романенко) в доме ветряков труда, и все у нее в прошлом, и ткацкая фабрика, и стахановские рекорды, и встречи с членом правительства Серго Орджоникидзе. Но Псаревой чужда однозначность, и тут же она легко, органично переходит к частушкам, чечетке. Есть в этой актерской работе аромат времени, невиданный энтузиазм людей, чья молодость пришла на 30-е годы. Такую тетю Надю язык не повернется назвать старухой, так и останется она в нашей памяти бесконечно щедрым, энергичным, светлым человеком, — самой молодой из последних героинь Псаревой.

В ПОСЛЕДНИЕ годы много говорят и пишут об исповедальности — драгоценной традиции русской актерской школы. Современному актеру мало владеть мастерством перевоплощения, нам хочется видеть на сцене еще и личность — единственную, неповторимую. Сегодня особенно привлекают роли — открытия, роли — исповеди.

Именно так воспринимаются работы Елены Ивановны Псаревой. Не только разные режиссерские построения не влияют на почерк актрисы. Разная драматургия — условно-поэтическая пьеса Аллы Соколовой, эпически-подробная инсценировка повести Распутина, «производственная пьеса» Михаила Шатрова, — не мешает Псаревой оставаться художником своей темы.

Остается добавить, что все три роли актриса сыграла в этом сезоне. Какие они разные, эти героини Псаревой. И как похожи: совестливые, поднявшиеся над бытом и житейскими невзгодами, по-детски чистые, удивительно цельные, заразительные натуры, — они всегда согреты личностью их создательницы.

С. НАГНИБЕДА.

НА СНИМКЕ: Елена Ивановна Псарева.

Фото Г. Аверьянова